

К этимологии славянских названий муравьев, восходящих к псл. **morv-*, и их индоевропейских соответствий
Живка Колева-Златева

Во всех славянских языках сохранились названия муравьев, восходящие к псл. **morv-*. Ср. болг. *мравка*, диал. *мрав*, *мр̀ава*, *мрав̀у̀нци* мн., *моров̀ѝньок*, (цит. по БЕР, IV: 272–273, 275, 246), *мр̀ѡва* (Ш а п к а р е в–Б л и з н е в 1967: 243), *мр̀ѡв̀унка* (Р а л е в 1977: 146), *мрав̀у̀нѡкѡ*, *мр̀ав̀ѡѡ* (Г е р о в, III: 85), сербск., хорв. *mr̂av*, *mr̂avinac*, *mr̂avaŕ*, род. пад. *mr̂avŕa*, *mr̂avŕica* (RJA, VII: 41–43), словен. *mr̂av*, *mr̂avlja*, *mr̂avec*, *mr̂avljinec*, *mr̂avinec*, *mr̂avljin* (цит. по В e z l a j, II: 199), русск. *муравѣй*, *мур̀ашѡ*, *мур̀авѡль* (Д а л ь², II: 359), диал. *м̀у̀рав*, *мур̀авѡ* (цит. по ЭССЯ, XIX: 246, 247), *мур̀авѡль*, *мур̀авѡль*, *мур̀авл̀и* мн. (СРНГ, XVIII: 348, 254), укр. *мур̀авѡль*, *мур̀ашка*, *мур̀вань*, *мур̀манька* (Г р и н ч е н к о, II: 454, 455), блр. *мур̀ашка*, диал. *м̀у̀раў*, *мур̀авель* (цит. по ЭССЯ, XIX: 246, 245), чеш. *mravenec*, слвц. *mravec*, диал. *mravka* (SSJ, II: 198) польск. *mrówka*, в.-луж. *mr̩owja*, *mr̩owja*, *mr̩owja*, *mr̩owjo* (P f u h l: 383), н.-луж. *mr̩oja*, устар. и диал. *mr̩owja* (М у к а, I: 940).

Не может не произвести впечатления формальная вариативность цитированных названий. В связи с этим ЭССЯ говорит об их многочисленных перестройках в фонетике и распределении по родам и парадигмам (XIX: 248). Следует отметить и трудности их словообразовательного анализа. В некоторых из названий только на основании формальных критериев этимологические словари выделяют суффиксы, словообразовательное значение которых не объясняют. Например, болг. *мрав̀у̀нец* (мн. *мрав̀у̀нци*) ‘муравей’, *мрав̀у̀нѡк* ‘муравейник; муравей’ БЕР объясняет как образованные соответственно с помощью суффиксов *-ец* и *-ѡк* от слова *мрав̀ун*, которое в болгарском языке засвидетельствовано со значением ‘муравейник’ и согласно словарю образовано с суффиксом *-ун*. Его словообразовательное значение словарь не объясняет (IV: 275). А ЭССЯ в болг. *мрав̀у̀нѡкѡ*, *мр̀ѡв̀унка* отмечает наличие сложных суффиксов *-un-’ѡкѡ*, *-un-’ѡка* и тоже не уточняет их словообразовательное значение (XIX: 245, 246). Укр. *мур̀авѡль*, русск. *мур̀авѡль*, *мур̀авѡль*, сербск., хорв. *mr̂avaŕ* ЭССЯ рассматривает как образованные от *morvь, *morvь с помощью суффикса *-jь*, но не объясняет его словообразовательное значение, а также и противоречащее фонетическому закону наличие вокала между губным консонантами и эпентетическим *l* в некоторых из форм. Для русск. *муравѣй*, болг. *мравѣй*, укр. *муравий* Словарь не предлагает словообразовательного анализа (XIX: 245, 248). Относительно последних слов БЕР указывает, что образованы от *marvь/*marvь, но не объясняет значение словообразовательного форманта (IV: 273). Скок тоже предполагает для *mr̂avaŕj*, род. пад. *mr̂avŕja* образование при помощи суффикса *-ji* от псл. *morvь и не объясняет словообразовательное значение суффикса и незакономерное в таком случае появление вокала между губным консонантом и эпентетическим *l* (S k o k, II: 462). Согласно П р е о б р а ж е н с к о м у в русск. *муравѣй*, диал. *мур̀авѡль*, *мур̀авѡль* наличие изменение по аналогии с русск. *журавѡль* (1959, I: 568).

Картину формального многообразия дополняют и следующие славянские названия, которые тоже относят к рассматриваемому этимологическому гнезду: болг. *брьбѣнецъ*, *брьбѣнѣкъ*, *бробѣнецъ*, *бробѣнѣкъ* ‘муравей’ (Геров, I: 71, 75), диал. *бравѣняк*, *брабѣняк*, *бробѣняк* ‘мравка’ (цит. по БЕР, I: 72), сербск. диал. *brab̄inci* (цит. по S k o k, II: 462), чеш. диал. *brabenec* ‘муравей’ (PSJČ, I: 181), *brablenec* (цит. по M a s h e k² 1971: 378, H o l u b–K o p e č n y 1952: 232), *bravenec* (G e b a u e r, I: 98), болг. *врѣвѣрецъ* ‘муравей’ (Г е р о в, I: 156). Этимологические словари или не приводят доказательств о родстве этих слов с выше указанными названиями муравьев, считая его очевидным (см., например: H o l u b–K o p e č n y 1952: 232, M a s h e k² 1971: 378, ЭС-СЯ, XIX: 242, 243), или приводят недостаточно убедительные аргументы. Например, относительно болг. диал. *бравѣняк*, *брабѣняк*, *бробѣняк* ‘муравей’ БЕР отмечает, что они образованы от *мрав-иняк* в результате диссимиляция *м>б*, однако не становится ясным между какими звуками и по какому признаку осуществлена диссимиляция (I: 72). Вряд ли авторы словаря хотели выразить идею, что между согласными *м* и *в* больше сходства, чем между *б* и *в*. Иначе, как результат ассимиляции *м-в>б-в*, объяснено слово *бравѣняк* и как результат ассимиляции *б-в>б-б* объяснено слово *брабѣняк* в более поздней публикации Вл. Г е о р г и е в а. Кроме того, автор обращает внимание и на изменение группы **trat>*trot* в болг. диал. *морѣвѣнок* и *бробѣнѣци*, *бробѣняк* и ищет объяснения в интонации (1983: 400), но пренебрегает фактом, что кроме данных форм существуют еще: *брьбѣнецъ*, *брьбѣнѣкъ*, которые зарегистрированы в словаре Герова. А болг. диал. *врѣвѣрецъ* ‘муравей’ БЕР считает результатом диссимиляции и редукции звуков в незасвидетельствованном в болгарском языке собирательном существительном **мрав-ор*, предполагая влияние слов: *врѣв*, *врѣва* ‘веревка’, *врѣвя* ‘идти’, так как муравьи движутся один за другим (I: 209).

Формальное многообразие характерно и для названий муравьев, представленных в других индоевропейских языках, которые на основании формального сходства со славянскими рассматриваются в одном этимологическом гнезде с ними. Ср. лат. *formīca*, др.-греч. *μύριμξ*, *μύριμξ*, *μύριμος*, *βόριμξ*, *βύριμξ*, *ὄρικας*, ‘муравей’, др.-инд. *vamráh*, *vamrī* ‘муравей’, *valmīkaḥ* ‘муравейник’, ирл. *moirb*, арм. *mrjūn*, род. пад. *mrjman*, авест. *taoiriš*, др.-исл. *taurr*, ср.-нидерл. *miere* (цит. по B o i s a c q 1916: 651–652; L i d d e l l–S c o t t 1968: 1154). Именно из-за этого разнообразия, которое нельзя объяснить только фонетическими законами и комбинаторными фонетическими изменениями, а также из-за сходства, которое трудно может быть случайным, вопрос о индоевропейской этимологии данных названий муравьев не решен однозначно. Ср. по этому поводу замечание П р е о б р а ж е н с к о г о, что «слово широко распространено в индоевропейских языках, но представляет большие затруднения в деталях» (I: 569). Цитированные слова возводятся к разным, но близким индоевропейским праформам. Не совпадают, однако, мнения этимологов какие это праформы. Предполагая частичную ассимиляцию начальных звуков слогов и допуская некоторые нерегулярности, Вальде реконструирует

ие. **uorm(āi)*- и **moru(āi)*- (Waldе 1910: 308). Для Преображенского индоевропейская форма **moru(āi)*- более вероятна, форма **uorm(āi)*- указана с уточнением «может быть». Те же две чередующиеся формы реконструирует и Боазак, хотя отмечает, что «детали остаются темными» (Boisacq 1916: 652). Ван Вайк для др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī* предполагает существование ие. **tomro-*, **tomrī-* (цит. по Waldе–Hofmann, I: 531). Для лат. *formīca* в словаре Ерну и Мейе предположено происхождение от формы с неполной редупликацией *mormī (напоминающей гр. *μόρμηξ*) с последовавшими диссимиляционными изменениями, какие осуществлены и в гр. *βόρμᾶξ*, *βόρμᾶξ*, *ὄρμικας*, а также в др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī*, где впоследствии произошли и другие изменения. Словарь не предлагает объяснения почему именно форма с редупликацией является этимологом данного названия, какое словообразовательное значение выражается редупликацией, а зарегистрированное формальное многообразие названия объясняет его принадлежностью народному языку (Ernout–Meillet 1959: 247). К праформе с одинаковыми губными консонантами **morm-* возводит также и славянские названия Педерсен, предполагая последовавшие диссимиляционные изменения (цит. по Waldе 1910: 308). Ссылаясь на формальное многообразие индоевропейских названий муравьев, которое объясняет их принадлежностью народному языку или табуистическими причинами, Шантрен подчеркивает, что необходимо реконструировать некоторые близкие формы (как: *morw-i для иранских, кельтских и славянских языков; *mour для др.-исл. *taurr*; *teur для швед. *myra*; **worm-* для др.-инд. *vamráḥ*, *valmīkaḥ*, др.-греч. *βόρμᾶξ*; **morm-* для др.-греч. *μόρμηξ*, лат. *formīca*, если здесь произошла диссимиляция), которые не следует возводить к одному этимону (Chantraine, III: 723). Существование разных индоевропейских праформ, не сводимых к одной исходной, предполагает и ЭССЯ, а именно: **morv(i)* – для славянских, иранских и кельтских языков, **teur-* – для германских, **mor-m-* – для латинского и греческого, **uor-m-* – для древнеиндийского и греческого, которую, однако, считает результатом метатезы (XIX: 248). Меньшее разнообразие предполагают Лидел и Скот, которые возводят рассматриваемые индоевропейские названия муравьев только к формам с одинаковыми губными консонантами **tomro-*, **tomrī-*, *temro (Liddle–Scott 1968: 1154). Общим для всех гипотез является предположение диссимиляций либо ассимиляций, метатез в наследниках реконструированных этимологов.

Формальная реконструкция не единственная проблема этимологического анализа данных названий муравьев. Этимологические словари полностью игнорируют семантическую сторону вопроса. Во-первых, они не объясняют происхождение значения ‘муравей’ для рассматриваемых индоевропейских названий. Во-вторых, без объяснения остаются и другие значения, выражаемые данными словами, и их связь со значением ‘муравей’. Для некоторых из них, как, например, для болг. диал. *морови́ньок* ‘муравей; кроткий человек’ (Шапкарёв–Близнав 1967: 243) эта связь прозрачна. Она объясняется универсальным переносом названий животных на человека. Также и для

сербск., хорв. *mrâv* ‘муравей; змея’, *mrâvak* dem. ‘муравей; змея’ идея об эвфемистическом происхождении значения ‘змея’, выраженная в словаре Скока, выглядит приемлемой (S k o k, II: 462). Объяснение других значений, однако, связано с трудностями. Для болг. *мравѹнѹжѹкѹ* ‘муравейник; муравей’ (Г е р о в, III: 85), например, не ясно направление переноса, если, конечно, можно одно из значений считать исходным по отношению к другому. Ср. также сербск., хорв. *mravinac* ‘муравей; раст. *Origanum vulgare*’ (RJA, VII: 41–42), словен. *mravînes* ‘муравей’, мн. ‘озноб’ (цит. по ЭССЯ, XIX: 243), польск. *mrowin* ‘название растения’ (K a r ł o w i c z, K r y Ź n s k i, N i e d Ź w i e d z k i 1900–1927, II: 1059) укр. *муравіця* собир. ‘мелкие насекомые’, блр. диал. *муроўка* ‘божья коровка’, (цит. по ЭССЯ, XIX: 242, 246), польск. *mrówka* ‘муравей; мелкие бородавки’ (L i n d e, III: 172; K a r ł o w i c z, K r y Ź n s k i, N i e d Ź w i e d z k i 1900–1927, II: 1060), чеш. *mrva* ‘насекомое’ (цит. по О с и п о в а 1989: 167), др.-греч. *μύρμηξ, μύρμηξ* ‘муравей; неизвестный нам вид хищного животного в Индии’ (Д в о р е ц к и й 1958, II: 1116), ‘скрытая скала в море’ (L i d d e l l – S c o t t 1968: 1154), в частности, *Μύρμηξ* – скала Мирмек, находящаяся между островом Скиатос и Магнесией’ (L i d d e l l – S c o t t 1968: 1154; Д в о р е ц к и й 1958, II: 1116); ‘рыцарская рукавица с металлическими булавками, подобными бородавкам’ (L i d d e l l – S c o t t 1968: 1154), поздний лат. *formica* ‘вид бородавки’ (S o u t e r 1964: 151). Цитированные значения можно свести к следующим, более общим значениям: ‘муравей’, ‘муравейник’, ‘мелкое насекомое’, ‘страшное животное’, ‘бородавка’, ‘скрытая скала в море’, ‘вид растения (в частности, *Origanum vulgare*)’, ‘озноб’, которые требуют объяснения. Этот перечень показывает, что разнообразие характерно не только для форм, но и для семантики слов рассматриваемого этимологического гнезда.

Итак, налицо такое различие между реконструируемыми формами, которое не позволяет отнести их к общей праформе путем применения фонетических законов и правил комбинаторных изменений. Одновременно с тем, налицо такая степень формальной близости, которая заставляет рассматривать данные названия как относящиеся к одному и тому же этимологическому гнезду. Данный факт сочетается и с фактом семантических трудностей. Все это наводит на мысль о возможности экспрессивного происхождения этимона (или этимонов) данных названий. Если добавить еще и факт, что в некоторых из названий усматривалась редупликация, то можно сформулировать рабочую гипотезу, что это названия оноματοпоэтического, и в частности, образоподражательного (звукосимволического) происхождения, названия, чье звучание на основе синестезии¹ создает представление о незвуковом образе. Хотя уже никто не оспаривает существования таких слов², в этимологических словарях, которые главным образом соответствуют младограмматической традиции, им не было уделено нужного внимания

¹ О синестезии как универсалии психофизиологической, лежащей в основе звукосимволизма как универсалии лингвистической см. В о р о н и н 1982: 86.

² В теоретическом плане уже сделано многое: выделены признаки звукосимволических слов (В о р о н и н 1982: 87–90), доказана их большая численность, широкий охват, способность развивать производные значения, в том числе и абстрактные (V o r g n i n 2000: 149).

(см. это замечание также у Абаева (1986: 20)). Основная причина в том, что многие из образоподражательных слов в ходе эволюции получили устойчивые лексические значения, лишённые образности и экспрессивности, и поэтому, на первый взгляд, гипотезы об их фонетической мотивированности выглядят неприемлемыми. Кроме того, учет звуковой символики предполагает также не жесткое применение фонетических законов, а это противоречило бы основному принципу младограмматической традиции об их безысключительности. Обычно в этимологических словарях термин «ономатопетический» употребляется в качестве синонима термина «звукоподражательный» и наименование путем звуковой символики игнорируется. Но все-таки звукосимволические слова в языке существуют и их существование можно доказать типологическими критериями. Такими являются прежде всего: формальная и семантическая вариативность, редупликация, наличие формально-семантических параллелей, а именно – выражение одного и того же значения или значения, выводимого из одного и того же первоначального значения формами с редупликацией. (Более подробно о критериях распознавания слов звукосимволического происхождения в этимологических исследованиях и трудностях, связанных с этим см. Колева-Златева 2004).

Итак, можно привести следующие аргументы, подкрепляющие гипотезу о фонетической мотивированности рассматриваемых слов:

Во-первых, не только о лат. *formīca*, др.-греч. *μόρμηξ*, *μόρμιᾶξ*, *μόρμος*, *βόρμιᾶξ*, *βύρμιᾶξ*, *ῥρμικας*, др.-инд. *vamrāḥ*, *vamrī*, *valmīkaḥ* можно предположить образование при помощи редупликации, как это утверждается в некоторых из цитированных выше словарей. В большинстве из приведенных слов, в том числе и славянских, можно усмотреть редупликацию. И это редупликация трех типов: полная модели CVR-CVR (или CṚ- CṚ), неполная (ломанная, усеченная) модели: CV-CVR (или CV- CṚ) и неполная модели: CVR-C (или CṚ-C). Эти типы редупликации и их модели также проявляются при звукоподражательных словах: ср. болг. *бър-бòр-я*³ : *бò-бря* : *бър-б-ўкам*; болг. *кър-кòр-я* : *кò-кр-я* : *кòр-к-ам*; болг. *мър-мòр-я* : *мò-мр-я* : *мòр-м-я*; болг. *гър-гòр-я* : *гò-гр-я* : *гòр-г-ам*⁴. Конечно, в словах, образованных при помощи редупликации, прошедших длинный путь развития, не следовало бы ожидать увидеть повторение одних и тех же вокалов и консонантов, так как из-за ряда причин (как диссимиляционные изменения с целью облегчения артикуляционного аппарата, закономерные изменения одинаковых звуков, попавших в разное фонетическое окружение, незакономерные изменения в связи с экспрессивностью слов) редупликация может «замаскироваться» и только специальный анализ может доказать ее существование (более подробно см. Колева-Златева 2004: 35–36). Например, относительно диссимиляции в словах с редупликацией Мейе пишет о замене *г или *I консонантами *п или *j (1938: 197). Учитывая

³ Для большей наглядности далее редуплицированные звуковые комплексы в словах выделены дефисом.

⁴ Параллельные формы с полной и неполной редупликацией можно наблюдать и при словах, для которых возможно доказать звукосимволическое происхождение. См. такие примеры в: Колева-Златева 2004: 37–38.

сказанное и допуская диссимиляционные изменения, в том числе: (1) $m - m > m - v/b$ или $v/b - m$ и (2) $R - R > R - n/j$, исследованные названия можно сгруппировать следующим образом:

- слова с полной редупликацией модели CVR-CVR (или CR-CR): болг. диал. *морò-в̀ун-ьок*, *мр̀ь-в̀ун-ка*, *мра-в̀ун-ѣкъ*, *мр̀а-в̀ьѣй*, сербск., хорв. *tra-vin-ac*, *trâ-val*, словен. *trá-vl-ja*, *tra-vl-jînes*, *tra-vîp-ec*, *tra-vl-jîp*, русск. *мура-в̀ей*, *мур̀а-в̀ль*, *мура-в̀ель*, укр. *мура-в̀ель*, *мур-в̀ань*, *мур-м̀ань-ка*, блр. *мура-в̀ель*, чеш. *tra-ven-ec*, арм. род. пад. *mrj̄tan* (<*mVR-mVR- / *mVR-mR̄-);

- слова с неполной редупликацией модели CV-CVR (или CV-CR): др.-инд. *va-mr-áh*, *va-mr-ī* (<*mV-mVR-);

- слова с неполной редупликацией модели CVR-C (или CR-C): болг. *мра-в-ка*, диал. *мра-в*, *мр̀а-в-а*, *мр̀ь-в-а*, сербск., хорв. *trâ-v*, словен. *trâ-v*, *trâ-v-ec*, русск. *мур̀а-шь*, *м̀ура-в*, *мур̀а-вь*, укр. *мур̀а-ш-ка*, блр. *мур̀а-ш-ка*, диал. *м̀ура-ў*, словц. *tra-v-ec*, диал. *tra-v-ka*, польск. *mró-w-ka*, в.-луж. *mro-w-ja*, *mrjo-w-ja*, *mro-w-ja*, *mro-w-jo*, лат. *for-mīsa*, др.-греч. *μύρ-μ-ηξ*, *μύρ-μ-ᾶξ*, *μύρ-μ-ος*, *βόρ-μ-ᾶξ*, *βύρ-μ-ᾶξ*, *ὄρ-μ-ικας*, др.-инд. *val-mīkaḥ*, ирл. *moir-b*, (<*mVR-m-/*mR̄-m-).

Если в др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī* осуществилось изменение в результате метатезы (<*var-m-a-s, -ī), как это допускает Вальде (W a l d e 1910: 308), то данные формы следовало бы отнести к словам с неполной редупликацией типа CVR-C. Словен. *trá-vl-ja*, *tra-vl-jîp* можно рассматривать как формы с полной редупликацией, если произошли от *mor-vyl-ja, *mor-vyl-jinь, и – как формы с неполной редупликацией, если произошли от *mor-v-ja, *mor-v-jinь. Возможно, что некоторые из форм (например, *travljînes*) являются результатом контаминации. При характерной для фонетически мотивированных слов вариативности контаминация является частым явлением (см. об этом тоже в: К о л е в а-З л а т е в а 2002: 131).

Из цитированных выше названий к праформам с редупликацией трудно возвести авест. *maoiriš*, др.-исл. *maurr*, ср.-нидерл. *miere*.

Полную редупликацию можно усмотреть также в болг. *брь-б̀ун-ець*, *брь-б̀ун-ѣкъ*, *бро-б̀ун-ець*, *бро-б̀ун-ѣкъ* ‘муравей’, диал. *бра-в̀ун-як*, *бра-б̀ун-як*, *бро-б̀ун-як* ‘мравка’, сербск. диал. *bra-b̀in-ci*, чеш. диал. *bra-ben-ec* ‘муравей’, *bra-ble-nec*, *bra-ven-ec*, болг. *брь-в̀ор-ець* ‘муравей’. И здесь наблюдается характерная для фонетически мотивированных слов вариативность и контаминация (в форме *bra-ble-nec*).

К формам с редупликацией с одинаковыми губными консонантами *mVR-mVR- / *mVR-mR̄-; *mV-mVR- и *mVR-m-/*mR̄-m- можно возвести и другие славянские названия насекомых, головастика, мелких рачков, как:

- болг. диал. *мр̀ь-мор-ець*, *м̀ьр-м̀ор-ець* ‘головастик’ (цит. по БЕР, IV: 416), *мр̀ь-м̀ор* ‘маленький коричневый рачок, который встречается в холодных родниках’ (цит. по БЕР, IV: 416), *мр̀а-мор-ець* ‘то же’, *мр̀а-мор-ци* ‘головастики’ (цит. по БЕР, IV: 280), *мр̀а-мор-ець* ‘*Gammarus fluviatilis*, живет в воде’ (Г е р о в, III: 48), болг. *мр̀а-мор* ‘ма-

ленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют' (Г е р о в, VI: 211), болг. диал. *мр-мол-ец* 'маленький рачок' (цит. по БЕР, IV: 416), болг. диал. *мла-мол-ец* 'насекомое..., которое водится в муке' (цит. БЕР IV: 160), сербск., хорв. *mr̂-mol-ak* 'Gammarus fluviatilis; головастик; небольшое животное, обитающее в воде; водяная ящерица; Triton vulgaris; лягушечья икра; саламандра', *mr̂-mor-je* 'черви', *mr-m̂-ac*, *mr-m̂-ak*, *mr-m̂-ac* 'лягушонок, головастик' (RJA, VII: 74–75), русск. диал. *мòр-мыш*, *мар-маш* 'небольшой водяной рачок, рачок-бокоплав, используемый в качестве естественной приманки для ловли рыб' (цит. по М е р к у л о в а 1973: 183) (< *мор-мал-)⁵, *мòр-мыш* 'головастик' (СРНГ, XVIII: 168), *мùр-маш* 'водяной рачок, мор-мыш (Мурмаш – это червячки такие – один сантиметр длины, прилипают на морду [рыболовный снаряд]. У него много ног, стерлядь любит его)', *мùр-маш-и* мн. 'водяные насекомые [какие?]' (СРНГ, XVIII: 357), русск. диал. *мòмрыш* 'рачок, употребляемый как приманка для рыбы' (СРНГ, XVIII:254) (вероятно, от *мор-мыш), *бор-мош-и* мн. 'черви для ловли рыбы (не дождевые)', *бар-маш* 'мелкий рачок отряда бокоплавов, серо-зеленого цвета, употребляется в качестве приманки для ловли рыбы (при ловле удочкой)' (цит. по М е р к у л о в а 1973: 184) (<*mVR-mVR- / *mVR-mR̂- / *mR̂-mVR-);

- болг. *ма-мар-ець*, 'маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют, Gyrginus natator, вертячки', диал. *ма-мор-ець* 'Gammarus fluviatilis, живет в воде' (Г е р о в, III: 47–48), *мò-мар*, *мò-мар-ец*, *мò-мар-ица*, *мò-мар-ка*, 'Gyrginus natator' (цит. по БЕР, IV: 227), *му-марь-ец* 'маленький рачок, который живет в холодных родниках', *мò-мар-ец* 'маленький рачок, который живет в холодных родниках, один из видов Gammarus sp.', *мò-мор-ец* 'маленький рачок, который живет в холодных родниках, Gyrginus natator', *мò-мр-ец* 'то же' (цит. по БЕР, IV: 321, 394) (<*mV-mVR-);

- русск. диал. *мара-м-ыга* 'насекомое (Марамыгами называют тех насекомых, напоминающие вшей, которые ползают в стоячей воде, в лужах)' (цит. по М е р к у л о в а 1973: 184), сербск., хорв. диал. *mr-m-ica* 'вид насекомого, живущего на капусте', *mr-m-ak* 'лягушонок, головастик', *mr̂-m-ak* 'букашка' (RJA, VII: 71–73) (<*mVR-m-/*mR̂-m-).

Открывая формальное сходство между некоторыми из цитированных в этом ряде сербских и хорватских названий и звукоподражательными глаголами с редупликацией, как сербск., хорв. *mr̂morati*, *mr̂mljati* и др., Скок относит их к одному и тому же этимологическому гнезду (S k o k, II: 469), хотя и не объясняет какова может быть связь между названиями «безгласных» насекомых, червячков, головастиков и звукоподражательными глаголами. По-видимому, Скок не пришел к идее о звуко-символическом происхождении этимонов рассмотренных названий червячков, головастиков, насекомых точно также, как и авторы большинства этимологических словарей не пришли к такой идее

⁵ Относительно изменения формы ср. русск. *барабдля* 'картофель', *барaboшка* 'земляное или чертово яблоко' (Д а л ь², I: 47).

ни об одном слове, полностью игнорируя такую возможность. Идея Скока, критикуемая авторами некоторых этимологических словарей (см., например, БЕР, IV: 416), воспринята Осиповой, которая развивает ее дальше (1989: 165–169). Осипова считает, что «основой наименования мелких животных может стать представление о них как о кишаших беспорядочно крутящихся и скапливающихся тварях», а также, что существует связь между представлениями о «невнятных, бессмысленных звуках (в том числе и речи) и хаотическом, также лишенном осмысленности движении». В качестве доказательств автор приводит чеш. *mrva* ‘насекомое’, *mrviti se* ‘кишет, копошиться’, диал. *mrvit* ‘говорить с трудом’; чеш. *hmyz* ‘насекомое’, *hemžiti se* ‘кишет, копошиться’ (1989: 167). Схематически данную гипотезу о семантической эволюции названий мелких насекомых, рачков, головастиков можно представить следующим образом: (1) ‘издавать невнятные звуки, бормотать’ > (2) ‘двигаться хаотически, кишеть’ > (3) ‘мелкие кишашие насекомые’.

Вторую часть гипотезы, а именно связь значений ‘кишет’ и ‘мелкие кишашие насекомые’ можно считать доказанной. Ее подтверждает ряд семантических параллелей. Кроме приведенных Осиповой примеров: чеш. *mrva* ‘насекомое’ и *mrviti se* ‘кишет, копошиться’; чеш. *hmyz* ‘насекомое’ и *hemžiti se* ‘кишет, копошиться’, ср. еще: болг. *мравѣлникъ*, *мравѣнище* ‘муравейник’ (Героу, III: 85), диал. *мравѣлник*, *мравѣлник*, *мравѣлник* ‘муравейник’ (цит. по БЕР, IV: 272) и болг. *мравѣлѣкъ* ‘муравейник; о мелких животных: что-то в большом количестве, кишашее’ (Героу, III: 85), *мравѣлѣж* ‘о чем-нибудь похожем на муравейник, которое движется, шевелится’ (Героу, III: 84–85); болг. *гжгжѣкъ* ‘насекомое *Oniscus asellus*, которое водится во влажных местах и гнилых деревьях’ (Героу I: 265) и болг. *гжгжѣице*, *гжгжѣло* ‘о мелких кишаших тварях’ (Героу I: 265).

Первую часть гипотезы Осиповой, однако, нельзя считать доказанной. Если наблюдается формальное совпадение или сходство между звукоподражательными глаголами, в частности, глаголами со значением ‘издавать невнятные звуки, бормотать’ и глаголами со значением ‘двигаться хаотически, кишеть’, то это не является доказательством прямой связи между данными значениями. Первые основаны на звукоподражании, их звуковая форма создает представление о звуковом образе, а вторые – на образоподражании, их звуковая форма создает представление о незвуковом образе, воспринимаемом зрительным анализатором. Общей для них является прямая связь между означающим и означаемым, т. е. фонетический способ мотивации, а также использование одних и тех же звуковых комплексов и одного и того же примитивного словообразовательного способа – редупликации. Это иногда приводит к формальному сходству и даже тождеству между звукоподражательными и образоподражательными словами, что влечет за собой ошибочные гипотезы о родстве между значениями, созданными на базе звукоподражания и образоподражания.

Следует отметить, что в звуковой форме многих слов, означающих хаотические, а также медленные, нестандартные, неуклюжие движения, можно усмотреть редуцированные звуковые комплексы (полную и неполную редупликацию по рассмотренным выше моделям), конечно, с осуществленными диссимиляционными изменениями. Этот факт можно считать типологическим доказательством образоподражательного происхождения их этимонов. Ср. болг. *пъ-пл-ѣж*⁶ ‘о букашках: ползать; идти медленно потихоньку; волочиться; о мелких тварях, когда их много: кишеть, гомозиться’ (Г е р о в, IV: 406), *пъ-пл-як* ‘толпа, сутолока’ (цит. по БЕР, VI: 65); болг. *гж-гл-ѣце*, *гж-гл-ò* ‘о мелких кишаших тварях’ (Г е р о в I: 265); болг. *мра-вул-ѣж* ‘о чем-нибудь похожем на муравейник, которое движется, шевелится’, *мра-вул-ѣжъ* ‘муравейник; о мелких животных: что-то в большом количестве, кишашее’ (Г е р о в, III: 84–85), в.-луж. *mro-w-ic̣*, *mro-w-jeć* ‘копошиться, кишеть как муравьи’ (P f u h l 383), н.-луж. *mro-w-jaś se* ‘кишеть (о муравьях или как сравнение с муравьями)’ (М у к а 1921–1928, I: 940), польск. *mro-w-ic̣ sie̋* ‘роиться, сновать, кишеть, как муравьи’ (K a r ł o w i c z, K r u ś k i, N i e d ź - w i e d z k i, II: 1059), чеш. *mr-v-iti se* ‘кишеть, копошиться’; болг. диал. *вър-вол-ѣцам се*⁷ ‘ходить туда-сюда без дела’, болг. *вър-вол-ѣца*, *вър-вол-як* ‘вереница’, диал. *вър-вар-ѣк*, *вър-вар-ѣя* ‘то же’, сербск., хорв. *vr-vl-jeti* ‘стуиться, течь’, словен. *vr-v-ěti* ‘(о скоплении людей) кишеть, шуметь’, болг. *вър-в-я* ‘идти пешком’ (цит. по БЕР, I: 187, 209). Возможно, что к данному перечню названий можно отнести и болг. *гъм-ж-ѣж*, *гъм-ж-ѣжъ* ‘кишеть’ (Г е р о в, I: 262, 263), болг. *гъм-жел* ‘скопление кишаших живых существ’, сербск., хорв. *gàm-z-iti* ‘ползать’ (цит. по БЕР, I: 301), русск. диал. *гмы-з-а* ‘множество’ (СРНГ, VI: 233) (<*гъм-з-<*gm-g’-).

Образоподражательное происхождение этимонов данных слов доказывается также их формальной вариативностью (ср. в.-луж. *mro-w-ic̣*, *mro-w-jeć*, н.-луж. *mro-w-jaś se*, польск. *mro-w-ic̣ sie̋* < **morv-* и чеш. *mrviti se* < **mъrv-*; болг. *вър-вол-ѣца*, *вър-вол-як* и *вър-вар-ѣк*, *вър-вар-ѣя*; болг. *гъм-ж-ѣж*, *гъм-ж-ѣжъ*, сербск., хорв. *gàm-z-iti* < **гъмz-* и русск. диал. *гмы-з-а* < **gmyz-*) и наличием параллельных форм с полной и неполной редупликацией (ср. болг. *вър-вол-ѣца*, *вър-вол-як*, *вър-вар-ѣк*, *вър-вар-ѣя*, сербск., хорв. *vr-vl-jeti* : болг. *вър-в-я*, словен. *vr-v-ěti*; болг. *мра-вул-ѣж* : в.-луж. *mro-w-ic̣*, *mro-w-jeć*, н.-луж. *mro-w-jaś se*, польск. *mro-w-ic̣ sie̋*, чеш. *mr-v-iti se*; болг. *гъм-жел* : болг. *гъм-ж-ѣж*, *гъм-ж-ѣжъ*, сербск., хорв. *gàm-z-iti*, русск. диал. *гмы-з-а* ‘множество’).

Как было показано выше, аналогичный параллелизм наблюдается и при рассматриваемых индоевропейских названиях муравьев. Можно сделать вывод, что они являются наследниками образоподражательных этимонов, выражающих диффузное значение ‘кишеть; что-то кишашее’, наследниками которых являются также глаголы со значением ‘кишеть’ (как болг. *мравульж*, в.-луж. *mrowić*, *mrowjeć*, н.-луж. *mrowjaś se*,

⁶ Из-за формального и структурного сходства со звукоподражательными словами относительно болг. *пъпля* БЕР высказывает гипотезу о звукоподражательном происхождении слова и начальном значении, связанном с действием, сопровождаемом небольшим шумом (VI: 65).

⁷ Данный ряд слов БЕР считает производными от псл. *vrъvъ, происхождение которого не объясняет (БЕР, I: 187, 209).

польск. *mrowić się*, чеш. *mrvíti se*) и существительные, обозначающие ‘кишащее множество’ (болг. *мраву̀лѣкъ*, *мраву̀н* и др.).

Гипотеза об образоподражательном происхождении рассмотренных индоевропейских названий муравьев позволяет объяснить их формальную вариативность и фонетические изменения, не соответствующие фонетическим законам. Формальная вариативность является особенностью оноματοпоэтических слов в момент их рождения и поэтому точное определение их этимологических гнезд невозможно. Кроме того, всегда возможно и независимое происхождение фонетически мотивированных слов, близких по форме и значению, также как возможны и значительные различия при наличии родства. Поэтому с большей степенью вероятности можно определять звуко-символическое происхождение данного слова и с гораздо меньшей – его этимологическое гнездо. Но если наблюдается лексикализация одних и тех же конкретных или абстрактных значений (развитых от более общих образоподражательных), для которых невозможна прямая образоподражательная мотивированность, даже при наличии формальной вариативности и незакономерных различий, можно предположить их общее происхождение. Таким является случай с рассматриваемыми индоевропейскими названиями муравьев. Характерные для фонетически мотивированных слов контаминации также затрудняют определение этимологических гнезд. Поэтому категорически относить или не относить к одному и тому же гнезду названия как болг. *мравка*, *мраву̀нѣкъ*, *мраву̀ѣй* и *бробу̀инець*, *бробу̀инѣкъ*, *бробу̀инець*, *бробу̀инѣкъ* и т.д. нет надежных доказательств.

По всей вероятности, с данным этимологическим гнездом не связано болг. диал. *вървòрець* ‘муравей’, для которого можно предположить общее происхождение с образоподражательными словами: болг. *вър-вол-ѝцам се* ‘ходить туда-сюда без дела’, *вър-вол-ѝца*, *вър-вол-я̀к*, *вър-вар-ѝк*, *вър-вар-ѝя* ‘вереница’, *вър-в-я̀* ‘идти пешком’, сербск., хорв. *vr-vl-jeti* ‘стуиться, течь’, словен. *vr-v-éti* ‘(о скоплении людей) кишеть, шуметь’.

Гипотеза об образоподражательном происхождении рассмотренных названий муравьев проливает свет и на семантическую сторону вопроса и позволяет объяснить связь между значениями, выражаемыми ими.

1. Выражение значений ‘муравей’ и ‘муравейник’ болгарским словом *мраву̀нѣкъ* можно объяснить развитием обоих значений от первоначального звуко-символического значения ‘что-то кишащее’, характеризующегося диффузностью и экспрессивностью в момент создания слова. В таком случае значение ‘большое множество движущихся людей’, выражаемое болг. *мраву̀няк*, которое сегодня воспринимается как переносное (РБЕ, IX: 700), с эволюционной точки зрения является архаизмом.

2. Значение ‘мелкое насекомое’, выражаемое укр. *мураві́ця* собир. ‘мелкие насекомые’, чеш. *mrva* ‘насекомое’, тоже может быть наследником первоначального значения ‘что-то кишащее’ через связывающее звено ‘мелкое кишащее насекомое’. От значения ‘мелкое насекомое’, возможно, развито значение ‘божья коровка’ белорусского диал. слова *муроўка*.

3. Значение ‘страшное животное’, или в частности, ‘неизвестный нам вид хищного животного в Индии’, выражаемое др.-греч. *μύρμηξ, μύρμαξ*, может быть результатом смешивания разных этимологических гнезд слов с образоподражательной мотивированностью. Фактом является то, что многие названия, обозначающие что-то страшное, вызывающее, содержат редуцированные звуковые комплексы и на этом основании можно предположить, что они возникли как образоподражательные названия. Ср. др.-греч. γορ-γ-ός ‘ужасный, дикий’ (VOISACQ: 154), Гор-γ-ώ ‘Горгона’, др.-болг. гро-г-а ‘ужас’ (цит. по: БЕР, I : 283, где происхождение слова не получило объяснения), русск. чу-чел-о, болг. кор-кул-ук ‘чучело’ (ГЕРОВ, II: 399), болг. диал. бь-бур-ак ‘злой дух, вампир’ (С т о й ч е в 1965: 132), бь-бур-ци ‘ряженные, которые во время праздника Водичи ходят по селам и смещают людей’, джан-гол-дз ‘страшилище вроде вампира, но не такое свирепое и кровожадное’ (ГЕРОВ VI: 19, 91), го-гош ‘вампир’ (цит. по: БЕР, I: 259), болг. ку-кер ‘ряженный, который ходит по домам во время весеннего праздника Сирни заговезни (Масленица) или на Новый год’ (слово без общепринятой этимологии, которому посвящено множество исследований), пам-пур-ь ‘то же’ (цит. по: БЕР, V: 35, где слово указано неясным), словацк. trá-mor-a ‘призрак’ (цит. по ЭССЯ, XIX: 236).

4. Значение ‘бородавка’, выражаемое др.-греч. *μύρμηξ, μύρμαξ*, поздним лат. *formīca*, польск. *mrówka*, выражающими и значение ‘муравей’, тоже может быть результатом смешивания разных этимологических гнезд слов с образоподражательной мотивированностью. Оно может быть наследником первоначального значения ‘что-то маленькое, незначительное, обычно овальной формы’, которое нередко выражается словами с редупликацией. Ср. др.-греч. κρό-κ-η, кро-каλ-η ‘овальный гладкий камешек на берегу моря или реки’, др.-инд. *ṣar-kar-aḥ* ‘камень’ (цит. по В o i s a c q 1916: 519), лит. *kar-kól-as* ‘шарик; колобок’, *kur-kul-as*, *gar-gal-as*, *gur-gól-as*, *gùr-g-a*, *pum-pur-as* ‘узел или неровность в пряже’ (LKŽ, V: 295; VI: 958; III: 126, 745, 744; X: 910) и др. Больше таких слов см. в: К о л е в а-З л а т е в а 2002, 2004: 28–30.

5. Значение ‘скрытая скала в море’, выражаемое др.-греч. *μύρμηξ, μύρμαξ*, тоже может быть результатом смешивания разных этимологических гнезд. Оно может быть наследником более общего значения ‘выпуклость’, которое иногда выражается образоподражательными словами с редупликацией, ср. болг. бь-бьн-ець ‘опухоль на теле’ (Г е р о в, I: 89), диал. ба-бун-а ‘выпуклость’, цин-цин-а ‘шишка (на лбу)’, др.-греч. γά-γγλ-ον ‘опухоль под кожей; гланда’ (цит. по: В o i s a c q 1916: 138, где этимология слова указывается неясной) и др.

6. Результатом смешивания разных этимологических гнезд образоподражательных слов является и значение ‘озноб’, выражаемое словенским названием для муравья *travīnes*. В качестве типологических параллелей, доказывающих образоподражательное происхождение значений ‘холодный; мерзнуть; знобить; озноб; дрожать’, ср. со следующими словами, содержащими редуцированные звуковые комплексы: др.-инд *ṣi-ṣir-aḥ* ‘холодный’ (цит. по М е й е 1938: 189), русск. ко-ков-ть ‘остывать и твердеть,

черстветь, мерзнуть, промерзать' (Д а л ь² 1955, II: 134), болг. диал. *в-гла-гòр-а се* 'очерстветь от холода', *гù-гр-я се* 'сжиматься от холода' (цит. по БЕР I: 270, 292), болг. *пъ-пър-ик* 'большой мороз' (цит. по БЕР, VI: 68, где слово указано неясным), болг. *пен-пèр-е* 'дрожать' (цит. по БЕР V: 155, где слово указано неясным). Возможно, что и фразеологизмы типа русск. *мурашки бегают по коже*, болг. *мравки ме ползват* 'об ознобе' является результатом того же смешивания этимологических гнезд. Из-за формального сходства происходит контаминация языковых выражений. Ср. также болг. диал. *бробѝнци* мн. 'озноб' (цит. по БЕР, I: 80) с болг. *брѝбѝнецъ*, *брѝбѝнѝжъ*, *бробѝнецъ*, *бробѝнѝжъ* 'муравей'.

7. По всей вероятности, со значением 'озноб' связано и значение 'вид растения (в частности, *Origanum vulgare*)', выражаемое сербск., хорв. *travinac*. *Origanum vulgare* – это целебная трава, которая обладает противосудорожным, успокаивающим действием.

Что касается цитированных выше названий маленьких рачков, насекомых, головастиков, содержащих редуцированные звуковые комплексы, с большей степенью вероятности можно высказать гипотезу об их происхождении от звукосимволических этимонов, выражающих более общие, диффузные значения типа 'что-то кишасщее' или 'что-то маленькое, незначительное, обычно овальной формы', и с меньшей – определить их родственные связи. Возможно, что они относятся к этимологическому гнезду рассмотренных индоевропейских названий муравьев, но для такой гипотезы нет и не может быть надежных доказательств.

Литература

- А б а е в, В. И. 1986. Как можно улучшить этимологические словари? – Этимология 1984. Москва, 7–27
- БЕР: Български етимологичен речник. Т. I–. София, 1971–
- В о р о н и н С. В. 1982. Основы фоносемантики. Ленинград.
- Г е о р г и е в, Вл. И. 1983. Още един пример за промяна (t)art>(t)rat и (t)rot в българския език. – Български език. XXXIII. София, 399–400.
- Г е р о в, Н. 1975–1978, Речник на българския език. Т. I–VI. Т. IV и V издадени под редакцията на Т. Панчев. София.
- Г р и н ч е н к о Б. (Упор.) 1907–1909. Словар української мови. Т. I–IV, Київ,
- Д а л ь² Вл. 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. Набрано и напечатано со второго издания 1880–1882. Москва.
- Д в о р е ц к и й И. Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь. Т. I–II. Москва.
- К о л е в а-З л а т е в а, Ж. 2002. За произхода на някои български названия на малки предмети. – Трудове на Великотърновския университет "Св. св. Кирил и Методий". Книга 2. Езикознание, Т. 33. 1977. В. Търново, 121–133.

- К о л е в а-З л а т е в а, Ж. 2004. О типологических критериях распознавания слов звуко-символического происхождения в этимологических исследованиях (На материале индоевропейских языков). – Slavica. XXXIII. Debrecen, 23–42.
- М е й е, А. 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва–Ленинград.
- М е р к у л о в а В. А. 1973. Мелкие заметки по истории и этимологии слов. – Этимология 1971. Москва, 183–190.
- М у к а, Э. 1921–1928. Словарь нижнелужицкого языка. Т. I–II. Петроград.
- О с и п о в а М. А. 1989. К этимологии рус. *мормышка*. – Этимология 1986–1987. Москва, 164–171.
- П р е о б р а ж е н с к и й А. Г. 1958. Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. 1. Москва, 1910–1914. – Репродуцировано с выпусков 1910–1914 годов и последнего выпуска 1949 г., АН СССР.
- Р а л е в, Л. 1977. Говорът на с. Войнягово, Карловско. – Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 8. София, 3–199.
- РБЕ: Речник на българския език. Т. I–. София, 1977–
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Т. I–. Ленинград, 1965–
- С т о й ч е в, Т. 1965. Родопски речник. – Българска диалектология. Проучвания и материали. II. София, 119–314.
- Ш а п к а р е в, Ив., Б л и з н е в, Л. 1967. Речник на самоковския градски говор. – Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 3. София, 197–291.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974–
- В e z l a j, Fr. 1976–2005. Etimološki slovar slovenskega jezika. Т. I–IV. Kn. III, IV dopolnila in revidirala Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana.
- В о i s a c q, É. 1916. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. Heidelberg–Paris.
- С h a n t r a i n e, P. 1968–1980. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Vol. I–IV. Paris.
- Е r n o u t, M., М e i l l e t, A. 1959. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4ème éd. Paris.
- Г e b a u e r, J. 1970. Slovník staročeský. Druhé nezměněné vydání. I–II. Praha. (1. Praha. 1894–1898).
- Н о l u b, J., К о р е ч н у, F. 1952. Etymologický slovník jazyka českého. Praha.
- К а r ł o w i c z, J., К р у њ s k i, A., N i e d ź w i e d z k i, W. 1900–1927 (1952–1953). Słownik języka polskiego. Т. I–VIII. Warszawa.
- Л i n d e, S. 1854–1860. Słownik języka polskiego. I–VI. Lwów.
- Л i d d e l l, H. G., S c o t t, R. 1968. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon.

- LKŽ: Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, t. I – 1968, t. II – 1969, t. III – 1956–
M a c h e k², V. 1971. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné
vydání. Praha.
- P f u h l, Chr. Tr. 1968. Obersorbisches Wörterbuch. Bautzen 1866. Fotomechanischer Neu-
druck. Bautzen.
- PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. I–IX. Praha, 1935–1957.
- RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XIX. Zagreb. 1880–1967.
- S k o k, P. 1971–1974. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb.
- S o u t e r, A. 1964. A Glossary of Later Latin to 600 A.D. (I ed. 1949). Oxford.
- SSJ: Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Št. Peciar. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
- V o r o n i n, S., 2000 Approaching the iconic theory of language origin. Pertinent laws and
tendencies from phonosemantics. – Bichakjian, B. H., Chernigovskaya, T., Kendon, A.,
Möller, A. (eds.), Becoming Loquens: More Studies in Language Origin. Frankfurt/M.:
Lang, 149–166.
- W a l d e, A. 1910. Lateinische etymologische Wörterbuch. 2. umgearbeitete Auflage. Hei-
delberg.
- W a l d e, A., 1938. Lateinische etymologische Wörterbuch. 3. umgearbeitete Auflage von
J. B. H o f m a n n. Heidelberg.

Использованные сокращения

авест.	– авестийский	псл.	– праславянский
арм.	– армянский	род. пад.	– родительный падеж
блр.	– белорусский	русск.	– русский
болг.	– болгарский	сербск.	– сербский
в.-луж.	– верхне-лужицкий	слвц.	– словацкий
диал.	– диалектный	словен.	– словенский
др.-греч.	– древне-греческий	собир.	– собирательное
др.-инд.	– древне-индийский	ср.	– сравни
др.-исл.	– древне-исландский	ср.-нидерл.	– средне-нидерландский
ие.	– индоевропейский	укр.	– украинский
ирл.	– ирландский	устар.	– устаревший
лат.	– латинский	хорв.	– хорватский
лит.	– литовский	цит.	– цитировано
мн.	– множественное число	чеш.	– чешский
н.-луж.	– нижне-лужицкий	швед.	– шведский
польск.	– польский		